
ПРЕДИСЛОВИЕ

В последних числах сентября 1950 года в Ленинграде, в помещении Дома офицеров состоялось заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Один лишь состав его участников свидетельствовал о том, что это был не рядовой судебный процесс. Вновь, как и во второй половине 1930-х, на скамье подсудимых оказались бывшие члены высшего руководства СССР: на этот раз это были Алексей Александрович Кузнецов и Николай Алексеевич Вознесенский. В недавнем прошлом А.А. Кузнецов занимал высокие посты секретаря ЦК ВКП(б) и члена Оргбюро ЦК ВКП(б), Н.А. Вознесенский – члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя председателя Совета министров СССР и председателя союзного Госплана. Другие обвиняемые были рангом ниже, тем не менее, в прошлом занимали весьма значимые руководящие посты: бывший председатель Совета министров РСФСР и член Оргбюро ЦК партии М.И. Родионов, а также бывшие ленинградские руководители – первый секретарь обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков, второй секретарь горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустин, председатель горисполкома П.Г. Лазутин. Вместе с ними в числе обвиняемых были два бывших высокопоставленных работника ленинградского партаппарата – заведомом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского обкома ВКП(б) Т.В. Закржевская и управляющий делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Ф.Е. Михеев, а также бывший второй секретарь Ленинградского обкома и первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) И.М. Турко. А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Н.А. Вознесенский, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин и М.И. Родионов были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества, остальные – к длительным срокам тюремного заключения¹.

Обвиняемые подвергались физическим истязаниям. Присутствовавший на суде над «центральной группой» первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Ф.Р. Козлов позже, в 1956 году, своими впечатлениями от увиденного поделился с Г.Н. Куприяновым – бывшим первым секретарём ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и одним из многочисленных фигурантов «ленинградского дела». «В первый день, когда председательствующий спросил А. Кузнецова: “Признаёте ли себя виновным?”, тот ответил твёрдо и решительно: “Нет, не признаю!” – вспоминал Г.Н. Куприянов рассказанное Ф.Р. Козловым. – Не признали также себя виновными Н.А. Вознесенский, М.И. Родионов, П.С. Попков. Тогда заседание суда прервали и обвиняемых увели в тюрьму. Через день заседание суда возобновилось, обвиняемых Кузнецова, Попкова, Вознесенского ввели под руки, они были так избиты, что сами уже не могли двигаться. Их усадили в кресла и снова начали допрос. “Признаёте ли вы сейчас себя виновным?” – снова спросили у А.А. Кузнецова. Он уже не мог встать и, безжизненно махнув рукой, чуть слышно прохрипел: “Признаю!” Признали себя виновными и все другие подсудимые. И лишь один Николай Алексеевич Вознесенский нашёл ещё в себе достаточно силы, чтобы сказать: “Нет! Не признаю. Можете меня расстрелять, но я не совершил никакого преступления!” И с этими словами он ушёл в бессмертие!»².

Расстрельный приговор был приведён в исполнение незамедлительно. После суда над «центральной группой» репрессиям подверглись другие работники ленинградских властных структур, а также те, кто ранее работал на руководящих постах в Ленинграде, а затем в порядке выдвижения получил ответственные партийно-государственные посты в других регионах СССР либо в Центре. Некоторые обвиняемые были приговорены к расстрелу³.

Почему Сталин обрушил репрессии на выходцев из Ленинграда, включая членов высшего руководства страны, которые до недавнего времени пользовались его расположением и доверием?

Следует признать, что в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе тща-

тельного, детального, всестороннего и беспристрастного изучения всего имеющегося в архивных учреждениях комплекса документальных материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Ввиду того, что основные массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении в бывших партийных архивах, в архивах госбезопасности и иных ведомственных архивохранилищах и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования не приходится. Исследователям не доступны ни архивно-следственные, ни партийно-следственные дела, доступ к номенклатурным и персональным делам либо также закрыт, либо весьма затруднителен. Огромные масштабы «дела», его сложная специфика, на наш взгляд, в будущем потребуют сосредоточения усилий коллектива профессиональных историков, специализирующихся на изучении истории партийно-государственной системы власти, хозяйственно-экономических проблем, истории органов внутренних дел и государственной безопасности.

Начиная с конца 1980-х годов, в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», где наибольшим влиянием обладали А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский и А.А. Кузнецов, с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова, под различными надуманными предложениями (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной и городской объединённой партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, – физического. В самом Ленинграде новое начальство во главе с первым секретарём Ленинградского обкома ВКП(б) В.М. Андриановым – ставленником Маленкова, – за-

нялось кадровыми чистками в партийно-государственном аппарате, в различных организациях и ведомствах, на промышленных предприятиях, в учреждениях культуры, науки, образования и здравоохранения. С тем чтобы оправдать доверие и выслужиться перед Москвой, они искусственно раздували масштабы «ленинградского дела». В итоге к «делу» были привлечены сотни ни в чём не повинных людей. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве и, в конечном счёте, озабоченный укреплением собственной личной власти.

Такая точка зрения, впервые сформулированная в работах ленинградского историка, доктора исторических наук В.А. Кутузова⁴, с незначительными вариациями по сей день доминирует в исторической литературе⁵. Весьма обстоятельно отечественная историография «ленинградского дела» представлена в работе доктора исторических наук А.З. Ваксера «“Ленинградское дело”. Итоги изучения и новые аспекты». Как отечественная, так и западная историография тщательно рассмотрена в монографии кандидата исторических наук А.А. Амосовой «Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950»⁶. Выполненные в этих работах историографические обзоры, где изложены различные трактовки «дела», освобождают нас от необходимости давать развёрнутую характеристику публикаций по данной тематике. Отметим лишь следующее. О «коррупционном следе» в «ленинградском деле», о некоторых излишествах ленинградской партноменклатуры писали не исключительно журналисты и публицисты, а в том числе профессиональные историки. Проблема коррумпированности ленинградских чиновников рассматривается в работах историков, докторов исторических наук И.В. Говорова, В.А. Иванова и Б.А. Старкова. Их исследования базируются на архивных материалах, часто недоступных широкому кругу специалистов⁷.

Следует также отметить, что все научные работы построены на анализе имеющейся в распоряжении у исследователей далеко не полной источниковой базы, главная характерная черта которой – это отсутствие основных, ключевых архивных документов

по «ленинградскому делу», о чём ранее уже говорилось. Доступная исследователям источниковая база не позволяет выдвинуть новую научно обоснованную, фундированную архивными документами концепцию. Тем не менее она позволяет уже сейчас уточнить отдельные аспекты в истории «ленинградского дела».

Основу источниковой базы настоящей работы составили документы Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Используются также документы Российского государственного архива новейшей истории, Национального архива Республики Карелия, Центра документации общественных организаций Свердловской области и других региональных архивных учреждений.

Невозможность верификации и детализации сведений, содержащихся в тех или иных документах, и в то же время отсутствие веских оснований для их игнорирования вынудили автора прибегнуть к достаточно объёмному цитированию использованных архивных источников. Цитаты из документов приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Стилистически неправильно построенные фразы воспроизведены полностью и без оговорок. В выдержках из стенограмм сокращения расшифрованы, за исключением аббревиатур. Имеющиеся сокращения в других документах (решениях и постановлениях различных органов власти, письмах, служебных записках и прочих) сохранены.

Фотодокументы, размещённые на вклейке, находятся на хранении в Российском государственном архиве кинофотодокументов и Центре документации общественных организаций Свердловской области.

Настоящая монография не появилась бы на свет, если бы не помощь архивистов, коллег и друзей. Хотелось бы выразить искреннюю признательность сотрудникам архивов и коллегам за помощь на стадии подготовки и обсуждения работы: М.В. Михееву, С.А. Пьянкову, С.Л. Разинкову, А.Э. Беделю, Е.Ю. Баранову, С.В. Воробьёву, Н.А. Тарасовой, Л.А. Лыковой, Н.Н. Рожковой, Е.И. Ярковой, Е.В. Кирсанову, А.А. Пысину. За ценные

замечания автор признателен рецензентам А.В. Трофимову, О.Н. Калининой и Н.А. Михалёву.

Данная монография вряд ли бы состоялась, если б не гостеприимство и всесторонняя поддержка, оказанные автору в Москве бывшей свердловчанкой Еленой Александровной Костаревой и её мужем – Владимиром Анатольевичем Тузиковым. Только благодаря этим замечательным людям стало возможным более тщательное изучение фондов федеральных архивов.

Глава I

«Мне товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведёт и что это значит»

На наш взгляд, лишены смысла споры по поводу того, какие именно разговоры вели между собой «ленинградцы»: о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР или о создании компартии России (Российской компартии, РКП). О том, что подобные разговоры действительно велись в приёмных А.А. Жданова и А.А. Кузнецова на Старой площади (а именно – о создании Российской коммунистической партии (РКП) и её ЦК), и о том, что Сталин лично разъяснял Попкову на заседании Политбюро, «куда это ведёт, и что это значит», сам П.С. Попков в присутствии члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова рассказывал на объединённом пленуме ленинградских обкома и горкома в феврале 1949 года, задолго до того, как в госбезопасности принялись выбивать из него нужные показания¹. Я.Ф. Капустин на заседании бюро обкома и горкома, предшествовавшем пленуму, пытался откреститься от идеи создания РКП, утверждал, что она была ему чужда и он об этом не говорил. Тем не менее председатель Ленинградского облисполкома И.Д. Дмитриев озвучил на пленуме свидетельство очевидца – секретаря Волосовского райкома А.А. Ингинена, который лично слышал, как Капустин «проповедовал эту идею» в межобластной партийной школе, где довелось в это время учиться Ингинену².

Уже одно то обстоятельство, что высказывания «ленинградцев» обсуждались на совещании у Сталина и последний дал негативную оценку этим идеям, свидетельствует, что Сталин, оправданно либо неоправданно, но воспринял содержание этих разговоров всерьёз, а не как шутливую пустопорожнюю болтов-

ню. Не исключено, что на восприятие им содержания этих разговоров повлиял тот факт, что в сентябре 1947 года к нему с подобным предложением официально обратился председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов, которого позже в решении Политбюро назвали одним из «самозванных шефов» Ленинграда. «Прошу Вас рассмотреть вопрос о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, – писал Родионов Сталину. – Создание бюро, как мне представляется, необходимо для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом министров РСФСР». Автор записки полагал, что организация такой инстанции в ЦК ВКП(б) позволит местным партийным и советским органам лучше использовать «местные возможности» как для выполнения пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, так и для дальнейшего развития городского хозяйства, дорожного строительства, сельского и колхозного строительства, местной промышленности, системы просвещения и культурно-просветительской сферы³.

Бытует мнение, что якобы М.И. Родионов не предложил «ничего принципиально нового»: аналогичный орган был образован решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1936 года по докладу того же Сталина⁴. Однако эти утверждения не соответствуют действительности. Чтобы установить это, достаточно внимательно сопоставления текстов записки М.И. Родионова и принятого в июле 1936 года постановления Политбюро, включённого в протокол под наименованием «О группе ЦК по РСФСР». В последнем говорилось следующее: «Образовать при ЦК ВКП(б) бюро по делам РСФСР в составе тт. Андреева, Ежова, Сулимова, Лебеда, Комарова, Уханова и Бубнова для предварительного рассмотрения хозяйственных и культурных вопросов, подлежащих обсуждению в СНК или в наркоматах РСФСР. Специального аппарата при бюро не создавать, кроме узкого секретариата, имея в виду, что оно имеет право пользоваться аппаратом Секретариата ЦК ВКП(б)»⁵. Таким образом, функционал созданного в 1936 году бюро по делам РСФСР ограничивал-

ся предварительным рассмотрением исключительно хозяйственных и культурных вопросов, поступавших на рассмотрение в Совнарком РСФСР или в наркоматы РСФСР. Этот функционал не распространялся на остальные, более значимые вопросы, которые адресовались и подлежали рассмотрению на уровне высшего руководства СССР и союзных наркоматов. Особо следует отметить, что бюро по делам РСФСР 1936 года не имело полномочий рассматривать вопросы, которые касались широкого спектра организационно-партийной работы, включая кадровые. Обкомы и крайкомы РСФСР не переходили в непосредственное подчинение этому бюро.

Совершенно иной орган власти, с гораздо более широкими полномочиями, хоть и с созвучным названием, предлагал создать М.И. Родионов. Несмотря на то, что председатель российского Совмина в своей краткой служебной записке лишь в общих чертах описал функционал бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, тем не менее, некоторые выводы из этой записки можно сделать. В частности, что означает фраза «для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное Правительство»? Речь идёт о предварительном рассмотрении и предрешении в бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР с последующим утверждением, вероятнее всего, Политбюро ЦК (по примеру того, как утверждались некоторые постановления Секретариата ЦК ВКП(б)) всех без исключения вопросов, касавшихся РСФСР, которые вносились на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариата ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Именно высшие органы власти – Политбюро и Секретариат ЦК партии – подразумевались при формулировке «внести на рассмотрение в ЦК ВКП(б)» (к примеру, такие формулировки содержали некоторые предложения отделов ЦК ВКП(б)). То есть все касающиеся РСФСР вопросы, которые выносились в высшие властные инстанции отделами ЦК ВКП(б), министерствами и ведомствами, обкомами и крайкомами, по замыслу М.И. Родионова, должны были предварительно рассматриваться бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Фактически тем самым обкомы и крайкомы РСФСР лишались прямого выхода на высшие партийные и правительственные инстанции, и по всем, а не исключительно

но только хозяйственным и культурным вопросам, должны были действовать через посредника – бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР (по аналогии с тем порядком, который был установлен в других союзных республиках). Секретари обкомов и крайкомов со своими проблемами не обивали бы пороги кабинетов секретарей ЦК и заведующих цековскими отделами, зампредов Совмина и союзных министров, а пробивались бы на приём к ключевым фигурам из бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР, от мнения которых во многом зависела судьба той или иной инициативы.

Насколько были обоснованы аргументы М.И. Родионова, действительно ли появление такого органа позволило бы региональным властям более эффективно использовать местные ресурсы для выполнения хозяйственных задач? Чтобы получить исчерпывающие ответы на эти вопросы, требуется дополнительное исследование. Нас же, прежде всего, интересует несколько иной аспект, а именно – место этого руководящего органа в действовавшей системе власти.

Предложение М.И. Родионова о создании бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР созвучно с теми идеями, которые высказывали «ленинградцы» в приёмных А.А. Жданова и А.А. Кузнецова. Независимо от названия и организационной формы – предполагалось ли создание бюро в структуре аппарата ЦК ВКП(б) или предполагалось учреждение республиканской компартии с её руководящими органами, – в любом случае речь шла о создании такого высшего партийного (точнее будет сказать – партийно-государственного) органа власти в РСФСР, которому бы непосредственно подчинялись все российские обкомы и крайкомы партии, все республиканские властные структуры, включая Совмин РСФСР. То есть, учитывая масштабы РСФСР, её экономическое значение, предстояло создать «малое Политбюро», на уровне которого бы решался и предreshался весь спектр республиканских вопросов, включая организационно-партийные, кадровые и хозяйственно-экономические. Вполне очевидно также, что одновременно с учреждением такого органа власти должен был появиться его руководитель.

Каково же должно быть место этого руководителя (не важно, как бы он назывался – заведующий, председатель или пер-

вый секретарь) в действующей системе власти? Вполне определённо речь идёт об одной из самых влиятельных фигур на вершине власти, ведь даже первые секретари таких крупнейших парторганизаций РСФСР, как московская и ленинградская, обладали весьма сильными позициями и нередко одновременно входили в состав Политбюро, Секретариата или Оргбюро ЦК. Для главы государства на протяжении всего существования СССР было немаловажным, кто возглавляет эти региональные парторганизации и насколько они к нему лояльны. Вполне очевидно, что появление партийного руководителя РСФСР существенно меняло расклад сил в высшем руководстве страны. Можно с большой долей уверенности предполагать, что партийный лидер РСФСР по своему влиянию мог вполне успешно конкурировать, по крайней мере, со вторым секретарём ЦК ВКП(б) – с человеком № 2 в партии (при условии, если из повестки дня Секретариата ЦК партии были бы изъяты все касающиеся РСФСР вопросы и переданы в ведение новообразованного органа власти). Вполне очевидно, что появление столь могущественной фигуры не входило в планы ни Сталина, ни его преемников. Неслучайно, создавая в 1956 году бюро ЦК КПСС по РСФСР с подведомственным ему аппаратом, Н.С. Хрущёв назначил себя председателем бюро, хотя в действительности им не руководил и управление этим органом возложил на заместителя председателя. Во избежание возможной конкуренции между бюро ЦК КПСС по РСФСР и Президиумом ЦК КПСС, бюро было подчинено непосредственно Президиуму ЦК КПСС, и последний же утверждал его персональный состав, а не пленум ЦК КПСС. Об опасности, которую таило в себе учреждение партийного руководства РСФСР, Н.С. Хрущёв прямо заявил на организационном пленуме ЦК 27 февраля 1956 года: «Мы считаем, что такой орган должен утверждаться не пленумом ЦК, а Президиумом ЦК. Почему? Мы считаем – это сделать необходимо для того, чтобы не создавать прецедента двоевластия. С этим тоже надо считаться. Российская Федерация очень большая, и надо, чтобы в партии не получилось какого-то раздвоения. Сперва может начаться с мелочей, а потом углубиться и привести к плохим последствиям. Мы должны думать об этом и

не дать повода к созданию малейших щелей, которые могли бы породить такие явления»⁶.

В последующем, учитывая большие властные полномочия зампреда бюро, Хрущёв прилагал усилия по созданию в бюро системы властных противовесов. После отставки Н.С. Хрущёва в 1964 году должность председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР «по наследству» перешла к Л.И. Брежневу. Иначе говоря, пост-хрущёвское высшее руководство, которое сочло нецелесообразным совмещение обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, признало вполне оправданным совмещение постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР. И такая практика сохранялась вплоть до ликвидации бюро в 1966 году⁷.

Документальные данные о том, что «ленинградская группа» предполагала утверждение И.В. Сталина на пост партийного руководителя РСФСР в дополнение к уже имеющимся у него должностям, насколько нам известно, в настоящее время отсутствуют. А вот о намерении «ленинградцев» поставить первым секретарём ЦК РКП(б) А.А. Кузнецова говорится в проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 октября 1949 года⁸. Хотя, безусловно, эти сведения требуют дополнительной проверки и уточнений.

Следует также отметить, что одних только разговоров среди «ленинградцев» было вполне достаточно для того, чтобы со стороны Сталина последовала резкая реакция, и чтобы эта реакция не ограничивалась одними лишь наставлениями Попкову на заседании Политбюро. Отсутствие обвинений в намерении создать Российскую компартию или бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР в проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) или в обвинительном заключении и приговоре «центральной группе» вовсе не означает, что Сталин не воспринимал эти разговоры всерьёз. Суть разговоров «ленинградцев» вполне укладывалась в формулировки приговора, что те «...вынашивали и высказывали изменнические замыслы о желаемых ими изменениях в составе советского правительства и ЦК ВКП(б)»⁹. Появление в высшем руководстве страны нового руководящего органа, должности партийного руководителя РСФСР как раз и являлось изменениями в

составе ЦК ВКП(б), причём изменениями, как уже было сказано, весьма существенными.

Свои властные амбиции «ленинградцы» старались не афишировать, необходимость создания РКП обосновывали стремлением снизить нагрузку на аппарат ЦК ВКП(б) и тем, чтобы у русского народа появились «партийные защитники». Вот как об этом говорил на февральском пленуме обкома и горкома сам П.С. Попков: «Я неоднократно говорил, причём говорил здесь, в Ленинграде, в присутствии Бадаева, Капустина, Николаев слышал и другие. Говорил это в приёмной, когда был в ЦК, не со Ждановым, а в приёмной Жданова, говорил в приёмной Кузнецова. Идёт давно вопрос о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую штуку: как только РКП создадут, легче будет ЦК ВКП(б). ЦК ВКП(б) руководить будет не каждым обкомом, а уже через ЦК РКП. С другой стороны, я заявил, что когда создадут ЦК РКП, тогда у русского народа будут партийные защитники. Это уже явно антипартийное заявление. Что же выходит? Попков хочет защищать русский народ, а ЦК ВКП(б), товарищ Сталин не защищают его? Это явно антипартийное заявление»¹⁰.

Разумеется, эти высказывания – об облегчении нагрузки на ЦК партии, о необходимости каких-то совершенно непонятных «партийных защитников русского народа» – не более чем демагогический приём, попытка скрыть подлинные стремления к ещё большей власти¹¹. Притом попытка весьма слабая и неубедительная, чтобы ввести кого-то из партийных чиновников в заблуждение, не говоря уже о цековских и кремлёвских «акулах». О больших властных амбициях Кузнецова, его «партийном барстве» достаточно говорилось на том же пленуме обкома и горкома. Напрямую с его стилем руководства, его поведением, которые переняли другие «ленинградские вожди», будут связывать фальсификацию результатов тайного голосования на ленинградской конференции 1948 года. Расследование всех обстоятельств вольного обращения «ленинградцев» с системой выборов партийных органов сыграло не последнюю роль в «ленинградском деле».

Глава II

Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти?

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединённой партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 года. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счётной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчёте голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С. Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф. Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф. Бадаева. Тем не менее, председатель счётной комиссии, заведомо горкома А.Я. Тихонов объявил на конференции о единогласном избрании перечисленных руководителей. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов? – возмущался заявитель. – Как это стало возможным в Ленинско-Сталинской большевистской партии? Боясь репрессии – не подписываюсь»¹.

**«Вы знаете, что это – преступление, граничащее
с провокацией?»**

К содержанию письма в Москве отнеслись более чем серьёзно. Расследование возглавил лично второй секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Согласно воспоминаниям работавшего на тот момент заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома